

УДК 94(47):316.334.3

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА (1937–1938 ГГ.) В КАРЕЛЬСКОЙ АССР

Л. А. Лягушкина

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
Luskom@gmail.com

Рассматриваются социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора в Карельской АССР. Основным источником исследования являются местные Книги Памяти, в электронном виде вошедшие в базу данных «Жертвы политического террора в СССР». Выделены три основные национальные группы репрессированных (русские, карелы и финны), аресты каждой из которых имели собственную динамику. Установлено, что в основном от репрессий пострадали люди в возрасте 31–40 лет (33%), преимущественно мужчины (95%).

Ключевые слова: история, Большой террор, сталинизм, социальный портрет, базы данных.

В последние годы исследователи все чаще обращаются к проблеме осуществления Большого террора (1937–1938 гг.) в различных регионах СССР. Хотя все основные «массовые операции» этого периода («кулацкая» операция по приказу № 00447, «национальные» операции) регламентировались приказами из центра, репрессии на местах по тем или иным причинам имели региональную специфику¹. Различия можно увидеть не только в превышении лимитов, которые выделялись центром, в количестве задержанных, но и в социальном портрете репрессированных.

Именно этой проблеме посвящена данная статья, в которой рассматривается социальный портрет репрессированных в Карельской АССР. Проведение Большого террора в регионе имело ярко выраженную специфику, заключавшуюся в особой жестокости репрессивных органов по отношению к арестованным: около 85% репрессированных в годы Большого террора в Карелии были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу. Это один из самых высоких процентов расстрелянных по отношению к арестованным в СССР.

Одной из основных национальных групп арестованных были финны, составлявшие по данным переписи всего 2,7% населения [Всесоюзная перепись..., 2007]. Согласно нашим подсчетам, было репрессировано почти 20% финского населения Карелии. Из-за масштаба репрессий по отношению к представителям этой национальности Большой террор в республике назвали в западной литературе «геноцидом» [Kostiainen, 1996].

Исследователи по-разному пытаются объяснить размах репрессий в Карельской АССР, а также жестокость к финскому населению. Во-первых, распространена точка зрения, согласно которой такое отношение связано с положением региона на границе с буржуазным государством. Даже в самой Карелии наибольший урон понесли пограничные районы: например, в Ребельском и Ругозерском районе пострадали 5,9% населения [Чухин, 1999, с. 88]. Советские власти могли опасаться шпионажа и профинских настроений. Нельзя также не отметить, что чистки проходили в преддверии советско-финской войны, и в ситуации обострения внешнеполитической обстановки власти считали необходимой активизацию борьбы с «пятой колонной».

Во-вторых, исследователи указывают на особое положение финнов в Карельской АССР и на то, что борьба с «местным национализмом» имеет длительную историю. Несмотря на то что доля представителей этой национальной группы в населении была невелика, финны к началу 1930-х гг. занимали видное место в руководстве республикой и в партии. Их было много и среди квалифицированных рабочих в промышленности [Такала, 1998, с. 165, 168–169]. Это положение с определенного момента перестало соответствовать политике центра. Отставка бессменного председателя СНК республики финна Э. Гюлинга осенью 1935 г. означала то, что центральные власти начали борьбу с «финским буржуазным национализмом» [Такала, 1998, с. 182]. В этой связи массовые репрессии против финнов можно рассматривать как логичное завершение этой политики.

В историографии существует целый ряд работ, посвященных Большому террору 1937–1938 гг. в Карелии. В них исследуются взаимодействие местных властей и центра, проведение нацио-

нальных и других массовых операциям НКВД, ход репрессий [Чухин, 1999; Такала, 1998; Kostiainen, 1996; Baron, 2004], а также отдельные жертвы террора [Их называли КР..., 1992]. Однако недостаточно изучен социальный портрет репрессированных. В литературе встречается лишь общая информация о ходе репрессий статистического плана, причем в основном по характеристике национальностей [Чухин, 1999; Такала, 1998].

В данной статье сделана попытка не только реконструировать социальный портрет репрессированных в Карельской АССР, но и сопоставить полученные материалы со сведениями аналогичного характера из четырех других регионов [Лягушкина, 2012; 2013] и других исследователей, чтобы выделить специфику и найти общее. Однако сразу отметим, что одна из основных характеристик социального портрета репрессированных – их социальное положение – осталась за рамками этой статьи. Ей будет посвящено отдельное исследование.

Изучение социального портрета жертв террора в Карельской АССР стало возможным благодаря тому, что в регионе были изданы «Поминальные списки Карелии. 1937–1938» с короткими биографическими справками репрессированных. Второй том издания полностью посвящен периоду Большого террора и содержит информацию примерно о 14 тыс. персоналий [Поминальные списки..., 2002]. В биографические справки включены следующие данные: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения; национальность; партийность; должность и место работы; дата ареста; кем осужден; дата осуждения; статьи УК; мера наказания; дата исполнения приговора к ВМН, место расстрела; дата реабилитации; кем реабилитирован.

Биографические сведения из Книг Памяти можно довольно быстро проанализировать благодаря тому, что они были введены историко-просветительским обществом «Мемориал» в единую базу данных «Жертвы политического террора в СССР». База данных была создана в СУБД MySQL и включает биографические справки о 2,6 млн репрессированных за весь период советской власти. Для исследования из базы была выделена только информация, касающаяся Карелии с июля 1937 г. по конец ноября 1938 г., т.е. в период так называемых «массовых операций». Именно за ними в литературе закрепился термин Большой террор, хотя иногда понятие датируют и трактуют по-разному. Полученная коллекция записей для удобства работы была конвертирована в СУБД Microsoft Access.

В базе данных репрессированных в Карельской АССР содержится информация о 10 872 чел. По данным О. Мозохина, который имел доступ к документам ФСБ, в 1937 и 1938 гг. в Карелии было репрессировано 10484 чел. [Мозохин, 2011, с. 334, 338]. Таким образом, мы полагаем, что в Книгах Памяти Карелии содержится информация почти обо всех арестованных. Превышение числа репрессированных, зафиксированного в этих книгах, может объясняться как несопадением центральной и местной статистики репрессий, так и особенностями формирования мартирологов, в частности, включением в списки биографий жителей Карелии, которые были осуждены в других регионах.

Ход репрессий

По различным данным из официальных документов в соответствии с приказом НКВД №00447 о репрессировании «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в Карелии было осуждено 4885 или 5724 чел. [Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008, с. 556-557]. Примерно еще столько же человек были репрессированы преимущественно в ходе «национальных операций». (здесь нельзя дать точного числа – см. предыдущий абзац, где даны две цифры, и этот абзац, где тоже две цифры, которые различаются).

С учетом того, что по переписи 1937 г. в Карельской АССР проживало 512 554 чел. [Всесоюзная перепись..., 2007], получается, что в результате «кулацкой» операции было арестовано до 1,12% населения, а в ходе всех «массовых операций» – 2,1% населения. О том, насколько это высокий процент, говорит сравнение со следующими данными: в Горьковской области было репрессировано 0,26% населения, в Башкирской АССР – 0,47%, Алтайском крае – 1,02%, в Северо-Осетинской АССР – 0,84% [Лягушкина, 2013, с. 310]. По подсчетам М. Юнге и Р. Биннера в ходе «кулацкой» операции больший или сходный процент репрессированных отмечен только в АССР немцев Поволжья (1,15%-1,35%), Чечено-Ингушской АССР (1,03%) и Саратовской области (1,04%). В среднем в результате «кулацкой» операции в стране было арестовано 0,47% населения [Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008, с. 519–598]. Исходя из данных переписи и сведений о количестве репрессированных в стране, можно заключить, что в среднем в СССР репрессиям подверглись

0,9% населения, а значит, число репрессированных в Карелии превысило этот уровень.

Однако в начале репрессий, связанных с «кулацкой» операцией, из Карелии в центр был направлен запрос об аресте 12 чел. по первой категории (ВМН) и высылке 74 чел. [Трагедия советской..., 2004, с. 323]. В приказе № 00447 от 30.07.1937 региональные власти ожидали совсем другие цифры. Лимит арестованных был повышен до 300 чел. по 1 категории (ВМН) и до 700 по второй (как правило, 10 лет лагерей), т.е. более чем в 10 раз [Лубянка..., 2004, с. 279]. После этого региональные власти неоднократно запрашивали повышение лимитов.

В январе утвержденные лимиты на аресты по «кулацкой» операции составляли уже 2 тыс. чел. по первой категории и на 700 по второй. О том, как запросы руководства Карелии и утверждение очередных лимитов влияли на динамику арестов, осуждений и расстрелов в Карельской АССР, можно увидеть на графике (рис. 1).

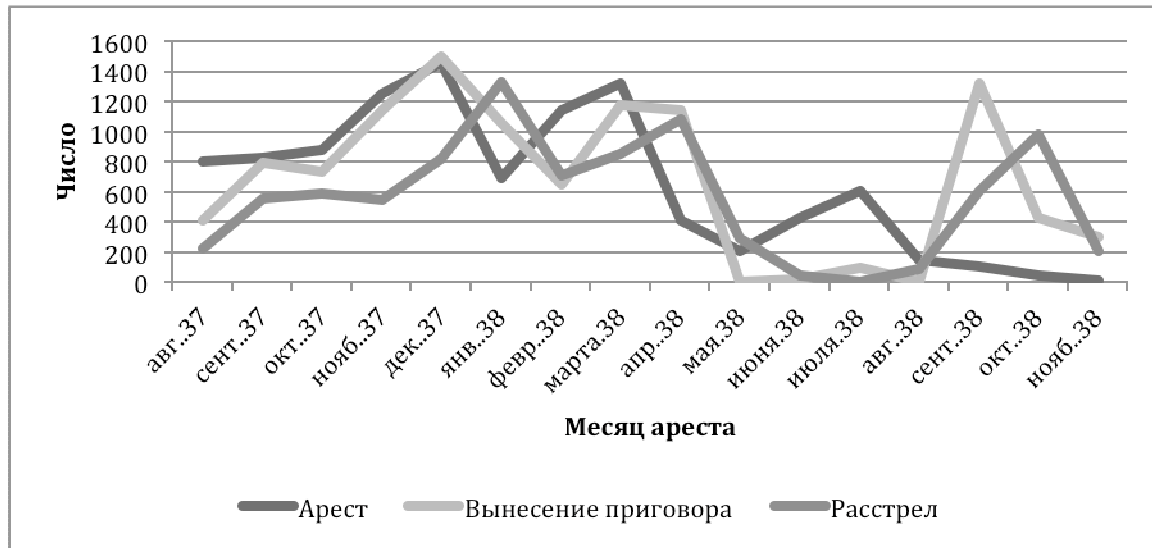

Рис. 1. Динамика арестов, вынесений приговоров и расстрелов в Карельской АССР

Аресты в Карельской АССР активно начались, как и в большинстве других регионов СССР, в августе 1937 г., когда вступил в действие приказ о начале «кулацкой» операции в регионе. Уже в этом месяце секретарь карельского обкома М.Н. Никольский потребовал повышения лимита до 250 чел. по первой категории [Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008, с. 556]. Затем в октябре 1937 г. повышения лимита на 1000 человек по первой категории потребовал и глава местного НКВД К. Теннисон, что отражалось на графике начиная с ноября. Пик арестов пришелся на декабрь 1937 г. (1457 арестованных). Очевидно, что в конце года в Карельской АССР, как и во многих других регионах, готовились к возможному завершению «кулацкой» операции, и большинство тех, кто был арестован, успели осудить уже в декабре.

Однако массовые операции в 1938 г. не завершились. Карелия оказалась в списке регионов, в которых было решено продолжить «кулацкую» операцию. В конце января лимит был вновь увеличен на 500 чел. по первой категории и на 200 по второй. С февраля 1938 г. число арестованных в Карельской АССР значительно возрастает. «Пик» арестов в 1938 г. приходится на март, когда были задержаны 1317 чел. В этом же месяце произошло очередное повышение лимита в рамках «кулацкой» операции на 600 чел. по первой категории и на 150 по второй [Мозохин, 2011, с.178]. На март и апрель приходится пик активности «троек» и других внесудебных органов.

Почему сложилась ситуация, когда в других регионах репрессии уже шли на спад, для Карелии установили все новые лимиты арестов? Одним из возможных объяснений может быть кадровая перестановка в руководстве НКВД. В январе 1938 г. из Карелии отозвали замнаркома НКВД Александра Солоницына, который «являлся правой рукой Тенисона» [Такала, 1992, с. 64], а затем 31 января настала очередь и самого наркома. Теннисон был арестован в апреле 1938 г. НКВД Карелии вместо него возглавил С. Матузенко, который фактически начал новую репрессивную кампанию.

«Кулацкая» операция должна была быть завершена в апреле 1938 г., и в этом месяце, дейст-

вительно, масштабы арестов и вынесения приговоров уменьшились. Однако в июле 1938 г. отмечается еще один пик арестов (611 чел.), связанный преимущественно с арестами финского населения. Готовясь к завершению массовых операций, в НКВД спешно «закрывали» все старые дела. Так, в сентябре 1938 г. преимущественно Особыми тройками были осуждены 1320 чел., а в октябре расстреляны 984 чел.

Для Карелии 1938 год оказался едва ли не таким же по жестокости и размаху террора, как 1937-й. В 1938 г. было арестовано 47% от числа всех жертв репрессий, тогда как, например, в результате «кулацкой» операции в целом по стране в 1938 г. было арестовано 28% от общего числа жертв. Гораздо больший масштаб репрессий в 1937 г. был типичен и для рассмотренных нами регионов: например, в Горьковской области в 1938 г. было арестовано 20% от всех жертв, в Башкирии – 28,5%, в Алтайском крае – 38%.

Половозрастной и национальный состав репрессированных

Этот состав репрессированных в Карелии отражен в табл. 1, 2.

Таблица 1

Распределение репрессированных в Карельской АССР по возрасту.

Возраст	Приговоренные (репрессированные)			
	Всего	В %	К ВМН	
			Всего	В %
До 21	310	2,9%	177	57%
21-30	2494	22,9%	1941	78%
31-40	3562	32,8%	3019	85%
41-50	2758	25,4%	2432	88%
51-60	1446	13,3%	1306	90%
61-70	271	2,5%	259	96%
71 и старше	26	0,2%	26	100%
Нет данных	5	0,0%	4	80%

Сравнив возрастной состав репрессированных в Карелии и в других регионах, можно заключить, что в целом эта группа в Карелии была чуть более молодой. Например, если в Карелии репрессированные в возрасте от 31 до 40 лет составили 32,8%, от 21 до 30 – 23%, то в Башкирии, Северной Осетии и Горьковской области число молодых людей в возрасте 21–30 лет не превышало 12% репрессированных, в Смоленске составляло около 15% [Кодин, 2011, с. 24].

Можно предположить, что высокий процент арестованной молодежи в Карелии связан с широким масштабом репрессий. Хотя в целом молодые люди были, вероятно, более лояльны к советской власти, в процессе массовых операций чекистам постепенно приходилось охватывать все более широкие слои населения. Когда основная «релевантная» группа была «почищена», следователи начали арестовывать и менее «подозрительных» с точки зрения властей лиц. В пользу этой версии говорит и то, что в Алтайском крае, где репрессии также активно продолжались в 1938 г. – было арестовано около 1% населения (что сравнительно много), прослеживается та же тенденция – большее число молодых людей среди репрессированных (18% их в возрасте 21–30 лет).

В Карельской АССР, как и в большинстве других регионов, по которым есть соответствующая статистика, обнаруживается другая тенденция: пожилых людей значительно чаще приговаривали к ВМН, чем арестованных среднего возраста или молодых. Так, в Карелии приговорили к ВМН 26 из 26 репрессированных в возрасте старше 71 года и 96% лиц в возрасте от 61 до 70 лет.

Возникновению этой тенденции можно дать несколько объяснений. Во-первых, у пожилых людей было проще найти «пятна» в биографии: происхождение из дворян, раскулачивание, служба в Белой армии, принадлежность к политическим партиям. Это облегчало работу следователей. Во-вторых, люди старшего возраста уже могли успеть занять высокие и ответственные должности [Ilic, 2002, p.151] или заслужить высокое общественное признание. В-третьих, в системе ГУЛАГа люди старые, больные и физически слабые были не нужны. Органам госбезопасности было «проще» расстрелять пожилых людей, чем содержать неэффективную рабочую силу.

Абсолютное большинство репрессированных в Карельской АССР были мужчинами (95%). В

Книгах Памяти есть информация всего о 508 женщинах, которые были арестованы в рассматриваемый период. Такой показатель – 4–8% репрессированных женщин – отмечен и в других регионах [Лягушкина, 2013; Сводные статистические...; Жданова, 2009]. Кроме того, их приговаривали к ВМН значительно реже, чем мужчин, – в 60% случаев. Это очень высокий показатель. Например, по нашим данным, в Башкирии женщин приговаривали к ВМН в 5,2% случаев, в Горьковской области – в 12%, в Северной Осетии – в 14,4%, в Алтайском крае – в 27%.

Возможно, более жестокое отношение к женщинам в Карельской АССР связано с тем, что здесь было больше жертв «национальных» операций, которым выносили значительно более суровые приговоры, чем жертвам «кулацкой» операции. Если в среднем женщины составляли 5% репрессированных в Карельской АССР, то в группе арестованных финнов их было 9%. Если русских арестованных женщин ВМН ожидала в 49% случаев, то финок – в 62%.

Тем не менее женщины составляли незначительную часть репрессированных во всех изученных регионах. Г. Жданова приводит несколько причин этого, в том числе 1) низкий социальный статус женщин в России – «они не воспринимались в политическом смысле всерьез»; 2) необходимость использования на предприятиях ГУЛАГа прежде всего мужского труда; 3) требование приказа № 00447, в соответствии с которым семьи приговоренных не должны были быть репрессированы [Жданова, 2009, с. 727]. М. Илич предполагала, что на применение репрессий могло повлиять то, что женщины вообще реже работали и получали зарплату, чем мужчины, их было сложнее в чем-либо обвинить [Ilic, 2002, p.151].

Обратимся теперь к национальному составу репрессированных в Карельской АССР (табл.2).

Таблица 2

Национальный состав репрессированных в Карельской АССР

Национальность	Репрессированные				Численность по переписи 1937 г.	
	Всего, чел.	В %	Приговоренные к ВМН		Всего, чел.	В %
			Всего, чел.	В %		
Русские	3677	33,8%	2878	78,3%	322738	63,1%
Карелы	2895	26,6%	2524	87,2%	111189	21,7%
Финны	2739	25,2%	2389	87,2%	14024	2,7%
Украинцы	493	4,5%	442	89,7%	22192	4,3%
Поляки	248	2,3%	223	89,9%	4388	0,9%
Немцы	197	1,8%	177	89,8%	см. «Прочие»	см. «Прочие»
Белорусы	108	1,0%	93	86,1%	4059	0,8%
Евреи	73	0,7%	58	79,5%	2137	0,4%
Латыши	63	0,6%	49	77,8%	см. «Прочие»	см. «Прочие»
Вепсы	26	0,2%	12	46,2%	9007	1,8%
Нет данных	53	0,5%	49	92,5%	—	—
Прочие	300	2,8%	270	90,0%	21789	4,3%

Сравнение данных о национальности репрессированных с материалами переписи 1937 г. подтверждает тот факт, что террор в Карельской АССР носил ярко выраженный национальный характер. Так, в категории арестованных русские составляли 34%, а их доля в населении – 63%. Финны согласно переписи составляли 2,7% населения (14 024 чел.), а репрессировано было 25% их (2 739). Доля карелов в населении по переписи достигала 22% (11 189 чел.), а репрессиям подверглись 27% их. Эти три национальные группы составляли основную массу репрессированных (86%). Более того, как показывает статистика приговоров, арестованных русских реже, чем другие национальные группы, ожидала ВМН. Арестованных карелов и финнов приговаривали к смертной казни в 87% случаев, в то время как русских – в 78%.

Почему репрессии против финнов носили столь массовый характер? Ответом на него является проведение НКВД так называемой «финской» национальной операции. Она не была оформлена

отдельным приказом, как, например, «польская», однако официально признавалась и в числе других национальных операций упоминалась в официальных документах.

И. Чухин утверждал, что аресты карелов происходили в рамках той же «финской» операции. В качестве доказательства он приводит тот факт, что в проекте приказа репрессии предполагалось провести «среди карельского и финно-угорского населения». «Именно этим определяется второе место карелов среди репрессированных» [Чухин, 1999, с. 88].

Однако, судя по динамике репрессий представителей различных национальностей (рис. 2), динамика арестов карелов гораздо теснее связана с арестами русских, чем финнов. Репрессии в отношении финнов имели собственную логику. Различия в динамике арестов русских, кареллов и финнов сложно списать на случайность.

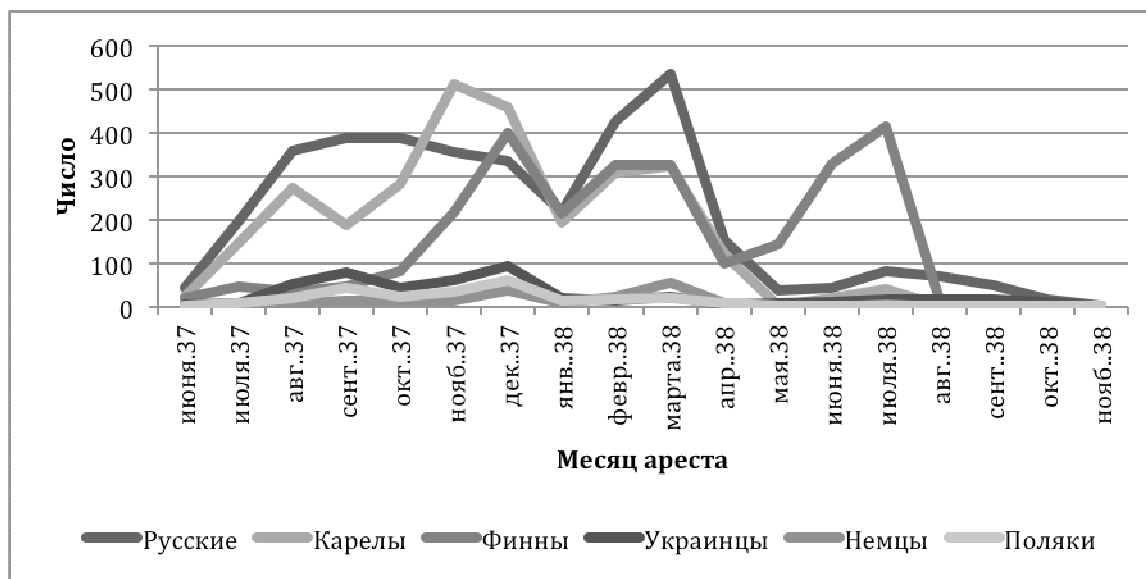

Рис. 2. Динамика арестов репрессированных различных национальностей в Карельской АССР

Согласно статистическим данным накануне массовых репрессий и сразу после их начала (июнь – октябрь 1937 г.) следователи НКВД сосредоточили свое внимание прежде всего на русских и карелах. Аресты третьей группы – финнов – в этот период не были массовыми. Однако с ноября 1937 г. значительно растет число арестованных финнов, достигая наибольших показателей в декабре 1937 г. В ноябре 1937 г. – апреле 1938 г. отмечается одинаковая активность операции относительно всех трех национальных групп с пиками арестов в ноябре – декабре 1937 г. и феврале – марте 1938 г. Однако с апреля 1938 г. ситуация вновь меняется: если репрессии против русских и карелов почти прекращаются и наблюдается их незначительный рост лишь в июле 1938 г., то уже с весны крайне резко увеличивается число арестов финнов.

Объяснение логики проведения репрессий тоже может лежать в политике местного НКВД и отношениях карельских властей с центром. Нарком внутренних дел Карельской АССР К. Тенисон с лета 1937 г. рассылал в районы директивы по национальным приказам, которые касались немцев, поляков, латышей, эстонцев и прочих народов, которых в республике было мало. Вероятно, предполагая, что стоит ожидать и репрессий финнов, он уже тогда требовал от подчиненных «тщательного учета всех финских националистических элементов» [Такала, 1998, с. 189]. Одновременно Тенисон направлял в Москву жалобы на отсутствие специальной «финской» операции.

В ноябре 1937 г. в Москве был подготовлен проект приказа о репрессиях в Карелии, Мордовской, Удмуртской, Марийской и Коми автономных республиках «финно-угорского населения», так как оно могло являться базой финской разведки [Лубянка..., 2004, с. 652]. Этот приказ не был утвержден, однако даже в официальных документах стала упоминаться так называемая «финская линия» национальных операций. Репрессии же проводились в соответствии с приказом № 00485 о «польской» нацоперации и приказом № 00693 от 23 октября 1937 г. «Об операции по репрессированию перебежчиков-нарушителей госграницы СССР» [Такала, 1998, 189]. Как и в рамках других национальных операций, с декабря 1937 г. в Карелии начали составлять «альбомы» с именами

финнов, которые подлежали «суду» «Комиссии НКВД СССР и прокурора Союза СССР» (так называемые «двойки») [Дёнингхаус, 2011, с. 610]. Вероятно, именно этим упрощенным порядком ведения дел финнов объясняется значительный рост числа арестов представителей этой национальности в декабре 1937 г.

В феврале–апреле 1938 г. шли активно массовые операции против всех нацгрупп, однако на июль 1938 г. приходится наибольшее число арестов финнов за время Большого террора – 416 чел. Летом 1938 г. финны составляли основную группу репрессированных.

Чем объясняется эта волна репрессий? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Согласно местным исследователям, летом 1938 г. проходило «срочное оформление» «шпионских» дел в ходе продленных в очередной раз до 1 августа «национальных» операций [Чухин, 1999, с.93]. Активизации местных органов НКВД способствовали и очередные кадровые перестановки. В июне 1938 г. первым секретарем Карельского обкома партии стал Г. Куприянов, который также вошел в состав «тройки» [Такала, 1998, с. 197]. Параллельно с арестами финнов в Петрозаводске и пограничных районах Карелии шло массовое выселение «семей врагов народов, репрессированных финнов, шведов, эстонцев, латышей и национальностей, не входящих в состав Союза» [Такала, 1998, с. 198]. Дела арестованных летом 1938 г. были переданы на рассмотрение Особой тройки НКВД Карелии, которая должна была «закрыть» дела всех арестованных перед завершением массовых операций.

Помимо русских, финнов и карелов в Карелии пострадали и представители других национальностей. Наиболее массовыми были репрессии украинцев (4,5% от числа арестованных, 4,3% по переписи), поляки (2,3% от числа арестованных, 0,9% по переписи), немцы (1,8% от числа арестованных). Несмотря на то что среди жертв репрессий представителей этих национальностей было значительно меньше, чем русских, карелов и финнов, можно констатировать, что их арестовывали чаще, чем, например, русских. Так, если ориентироваться на данные переписи 1937 г., то в ходе Большого террора было арестовано 6% польского населения Карелии. Более того, поляков, немцев и украинцев приговаривали к расстрелу чаще (почти в 90% случаев по сравнению с 87% случаев расстрелов карелов и финнов), чем представителей других национальностей. Если вопрос о том, почему украинцы попали в эту категорию, остается открытым, то в отношении немцев и поляков аналогичные тенденции прослеживаются почти во всех других рассматриваемых регионах, где есть подобная статистика [Лягушкина, 2013; Кодин, 2011, с. 31]. Приговоры в рамках основных «национальных операций» и в других регионах были более жесткими.

Таким образом, был рассмотрен ряд характеристик социального портрета репрессированных в Карельской АССР. Это стало возможно благодаря наличию достаточно полной электронной базы данных о репрессированных, составленной на основе местных Книг Памяти. Были выявлены основные национальные группы репрессированных (русские, карелы, финны). В общих чертах обрисован половозрастной состав жертв репрессий.

Репрессированные в Карелии были в основном в возрасте 31–40 лет (33%), что типично для массовых операций. Тем не менее по сравнению с репрессированными в других регионах, по которым есть соответствующие данные, жертвы террора в Карелии были чуть более молодыми. Этот факт можно связать с массовостью репрессий и с тем, что следователи вынуждены были вовлекать в них все более широкие слои населения. Женщин в Карелии, как и везде, арестовывали значительно реже, чем мужчин (в регионе они составляли 5% репрессированных), и реже приговаривали к смертной казни. Это может говорить об их невысоком социальном статусе.

Исследование позволило выявить ряд специфических черт проведения Большого террора в регионе. Так, аресты основных национальных групп репрессированных – русских, карелов и финнов – проводились по собственной логике. Если массовые задержания карелов и русских начались почти сразу со стартом операции в августе 1937 г., то черед финнов настал с утверждения центром операций по «финской линии» в ноябре – декабре 1937 г. На примере взаимодействия органов НКВД Карелии и Москвы видно, что, хотя инициатива проведения «финской» операции шла «снизу», до получения разрешения на нее массовые аресты финнов не проводились.

Примечания

¹ В историографии, как российской, так и зарубежной, давно идет спор о том, насколько центр контролировал ход террора на местах. В дискуссии традиционно выделяют две основные точки зрения: антисталинистов, которые настаивают на жестком контроле Москвы за ходом репрессий [Хлевнюк, 2010; Хаустов, 2009], и ревизионистов, которые утверждают, что репрессии инициировали местные власти [Getty, 1999]. Существуют и

попытки четко разграничить инициативы «снизу» и «сверху» [Ellman, 2010].

Список источников

Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и матер. М., 2007.
Жертвы политического террора в СССР. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. М., 2004.
Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. 2: Большой террор. Петрозаводск, 2002.
Трагедия советской деревни. М., 2004. Т.5, кн. 1.

Библиографический список

Деннингхаус В. В тени Большого Брата. Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.
Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
Их называли КР. Репрессии в Карелии 20-х–30-х гг. / сост. А.М. Цыганков. Петрозаводск, 1992.
Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М., 2011.
Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Ист. информатика. 2012. №1 (сентябрь).
Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам Памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре / сост. А.Сорокин, А.Кобак, О.Кувалдина. М., 2013.
Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности: Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011.
Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных. URL: <http://visz.nlr.ru/search/stat.html> (дата обращения: 13.05.2014).
Такала И. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР. Репрессии в Карелии 20-х–30-х гг. Петрозаводск, 1992.
Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998.
Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
Чухин И. И. Карелия-37. Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.
Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.
Baron N. Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938 // Europe-Asia Studies. 2004. 56(3), May.
Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 «Regional Influences on the Formulation and Implementation of. NKVD Order 00447» // Europe-Asia Studies. 2010. 62(6), August.
Getty J.A., Naumov O. The road to terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven; London, 1999.
Kostiainen A. Genocide in Soviet Karelia: Stalin's Terror and the Finns of Soviet Karelia // Scandinavian journal of history. 1996. №. 4.
Ilić M. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis / ed. Stephen G. Wheatcroft // Challenging traditional views on Russian history. London, 2002.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.07.2014

SOCIAL PORTRAIT OF THE GREAT TERROR VICTIMS (1937-1938) IN KARELIAN ASSR

L. A. Lyagushkina

Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991, Moscow, Russia
Luskom@gmail.com

The paper analyzes the social portrait of the Great Terror victims (July 1937 – November 1938) in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (KASSR) and compares it with the social features of the victims from other regions of the USSR. The main source of the research is a large-scale database – “The victims of the political terror in the USSR”, which includes more than 2.6 million short biographies. It was collected by International Memorial Society. The database is compiled on the material of the so-called “Books of Memory” (or “Memorial Books”). There are 10872 short biographies of the Great Terror victims in the Karelian ASSR in the database and information about all the victims. The repressions in Karelia were of a large-scale compared to other regions due to its boundary position and some other factors, including big Finnish population. 85% of the arrested persons in the region were executed, compared to 43% in the whole USSR. The dynamics of the arrests and convictions of the “offenders” in 1937-1938 is analyzed. The author concludes that the arrests started actively in August 1937 from the arrests of Russians and Karelians. The most severe arrests of Finns were held in 1938. The average age and gender of the repressed people is also analyzed. The victims were predominantly male (about 95%), which meant that women had lower social status. The victims were mostly in their thirties (33%) and forties (26%). The conclusions about victims’ nationalities are made. By the 1937 census, the Karelian population consisted of 63% Russians, 22% Karelians and 3% Finns. But there were 34% Russians, 27% Karelians and 22% Finns among the arrested persons. Mass arrests of Finns started in November 1937 after the approval of the measure by the central authorities. They were sentenced to death more frequently than Russians – in 87% of the cases compared to 78% of Russians. People of other foreign nationalities – such as Germans and Poles – were sentenced to capital punishment in 90% of the cases.

Key words: history, the Great Terror, Stalinism, social portrait, databases.

References

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dok. i mater. M., 2007.
- Denningkhaus V. V teni Bol'shogo Brata. Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917–1938 gg.). M., 2011.
- Zhdanova G.D. Statisticheskiy analiz realizatsii prikaza №00447 v Altayskom krae v oktyabre 1937 – marte 1938 g. // Stalinizm v sovetskoye provintsii: 1937–1938. Massovye operatsii na osnove prikaza №00447. M., 2009.
- Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR. 4-e izd. M., 2007. 1 elektron, opt. disk (CD-ROM).
- Ikh nazyvali KR. Repressii v Karelii 20-kh–30-kh gg. / sost. A.M. Tsygankov. Petrozavodsk, 1992.
- Kodin E.V. Repressirovannaya rossiyskaya provintsiya. Smolenshchina. 1917–1953. M., 2011.
- Lubyanka. Stalin i glavnoe upravlenie gosbezopasnosti. M., 2004.
- Lyagushkina L.A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): analiz bazy dannykh po knigam pamyati Nizhegorodskoy oblasti // Ist. informatika. 2012. №1 (sentyabr').
- Lyagushkina L.A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora v Bashkirskoy ASSR: analiz bazy dannykh po regional'nyim «Knigam Pamyati» // Istoriya stalinizma: Zhizn' v terrore / sost. A.Sorokin, A.Kobak, O.Kuvaldina. M., 2013.
- Mozokhin O. B. Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti: Statisticheskie svedeniya o deyatelnosti VChK–OGPU–NKVD–MGB SSSR (1918–1953). M., 2011.
- Pominal'nye spiski Karelii. 1937–1938: Unichtozhennaya Kareliya. Ch. 2. Bol'shoy terror. Petrozavodsk, 2002.
- Svodnye statisticheskie svedeniya o grazhdanakh, rasstrelyannykh v Leningrade, vne Leningrada i vposledstviy reabilitirovannykh. URL: <http://vizz.nlr.ru/search/stat.html> (data obrashcheniya: 13.05.2014).
- Takala I. «Delo Gyullinga-Rovio» // Ikh nazyvali KR. Repressii v Karelii 20-kh–30-kh gg. Petrozavodsk, 1992.
- Takala I. R. Natsional'nye operatsii OGPU/NKVD v Karelii // V sem'e edinoy: Natsional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gg. Petrozavodsk, 1998.
- Tragediya sovetskoy derevni. M., 2004. T.5, kn. 1.
- Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M., 2009.
- Khlevnyuk O. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury. M., 2010.
- Chukhin I. I. Kareliya-37. Ideologiya i praktika terrora. Petrozavodsk, 1999.
- Yunge M., Bordyugov G., Binner R. Vertikal' bol'shogo terrora. Istoriya operatsii po prikazu NKVD №00447. M., 2008.
- Baron N. Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938. *Europe-Asia Studies*. 2004. 56(3). May.
- Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 «Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447». *Europe-Asia Studies* 2010. 62(6). August.
- Gety J.A., Naymov O. The road to terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven; London, 1999.
- Ilić M. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis / ed. Stephen G. Wheatcroft // *Challenging traditional views on Russian history*. London, 2002.
- Kostiainen A. Genocide in Soviet Karelia: Stalin's Terror and the Finns of Soviet Karelia // *Scandinavian journal of history*. 1996. №. 4.